

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2022.66.40.009

Пушкинская метафора как конденсат в кодах современности**Тогузова Людмила Изатбековна**

Кандидат философских наук, доцент,
МИРЭА – Российский технологический университет,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 78;
e-mail: toguzova@mirea.ru

Титкова Ольга Вячеславовна

Кандидат философских наук,
МИРЭА – Российский технологический университет,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 78;
e-mail: titkova_o@mirea.ru

Осипова Альбина Магомедовна

Кандидат философских наук,
МИРЭА – Российский технологический университет,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 78;
e-mail: osipova_a@mirea.ru

Аннотация

Обращаясь к наследию А.С. Пушкина, авторы отвечают на философские вопросы о том, в чем заключается познавательная ценность «пушкинской философии своего отечества» в условиях современной глобализации, как интерпретируются метафоры его «поэтического ума» в оптике глобализации и какую роль играет метафорическое мышление в современной культурной коммуникации. Пушкинские метафоры и их философские смыслы служат познавательным целям субъекта и выполняют функцию зеркального перекрытия значащих элементов (конденсация). Они выступают средством представления символики в культурном сознании. Поэтическая форма слов Пушкина наглядно выражает для всех носителей российской культуры основные ценностные установки и ориентации общества. Из этого следует также, что «понимание» (рациональность) с помощью метафор для современных людей создает более понятный мир.

Для цитирования в научных исследованиях

Тогузова Л.И., Титкова О.В., Осипова А.М. Пушкинская метафора как конденсат в кодах современности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 5А. С. 67-75. DOI: 10.34670/AR.2022.66.40.009

Ключевые слова

Глобальная культура, общемировые ценности, идентичность, единство мысли и чувств, «метафора ума».

Введение

В настоящее время, в эпоху технологических достижений и прогресса науки, возникают убедительные обоснования того, что полная изоляция отдельных культур от других обществ, государств ведет последние к вырождению и гибели. С другой стороны, развивается взгляд на общественные системы так, что взаимодействие различных культур между собой вызывает опасения предоставить их самим себе, потому как это есть движение стихийных, неконтролируемых сил.

В связи с этим наблюдается новая тенденция так называемых стыковочных узлов между культурами, которые позволяют гармонизировать развивающиеся межкультурные взаимодействия и этим выполняют широкие просветительские функции. Выходит, что представители одной культуры в современном глобальном мире должны иметь достаточные знания о представителях другой – прежде всего соседствующей с ними – культуры. Для этого культурные коды, основные понятия, формы традиции и языка, виды верований и т. п. определены на трансляцию, определены на восприятие каждой отдельной культуры представителями других этносов, народов, общественных систем.

Разнообразность трансляции и адекватное восприятие достигаются мастерством перевода с одного языка культуры на другой доступными средствами научного мировоззрения. Надо сказать, что наука в своем имеющемся опыте в условиях глобального мира требует также и философских обобщений с той целью, чтобы исследования наиболее полно масштабно были сведены в соответствующую систему.

В обеспечении взаимодействий между различными культурами следует развивать современные методологические подходы, например универсальный синтез природного, социального, духовного, цивилизационного в глобальном масштабе. Принятие такого синтеза для всех процессов и взаимоотношений решает задачу обеспечения динамическим равновесием и балансом сил. Тогда глобализация в этом варианте должна будет стремиться к формированию целостных многоуровневых, планетарно-личностных систем. Все хаотические тенденции в политике, культуре, межнациональных отношениях и т. д. выйдут к новым устойчивым состояниям и оптимальным структурам.

Таким образом, в усилении глобальных процессов множество локальных культур и традиций получают возможность новых возрождений; они словно бы обретают «второе дыхание». Локальные культуры в этих системах осознают, что могут сохраниться и развиваться в глобальном пространстве; каждая может ориентироваться на свою особую роль, тогда как изоляция губительна для них.

Результаты исследования

Глобальная культура формирует в пределах регионов, городов, стран взаимодействие материального, духовного, идеального, реального, что способствует выравниванию перекосов в глобализационных явлениях. Духовность и единение человечества, индивид и личность (соответствующий своей традиционной культуре) неизбежно синтетически становятся посредством информационных технологий общемировыми ценностями.

В то же время процессы глобализации сталкиваются с главной проблемой как для цивилизации, так и для государств – невозможностью организации твердых гарантий в реализации идеи успешного развития мирового общества. При всей множественности

моральных, правовых норм, обычаев, привычек, форм поведения люди, живущие в едином политико-культурном пространстве, нуждаются в неких общих законодательных ценностях, причем общие ценности должны быть регулятивными строго законодательно, так как речь вообще-то идет о жизнях людей.

Следующая проблема цивилизации и государств заключается в глобализме – новой культуре информационного общества. Она трансформирует все тот же опыт морали, права, политики, искусства, обычаев и т. п. в уплотненные потоки стремительного распространения информации и создает явное противоречие между богатством познавательного опыта культуры и субъектом информационной цивилизации, а на деле образуется разрыв между сетью и идентичностью [Кастельс, 2000, 353]. Данная проблема может быть разрешена поиском новых идентичностей на базе традиционных. Это важно, так как не только сам процесс глобализации может служить вдохновением и энергией, но и культурная самобытность индивидов пополняет пространство узловых пересечений в информационной цивилизации.

Опасения исследователей по поводу утраты национальной самобытности и культуры во многом проистекают из представления о том, что культурное многообразие неизбежно ведет к конфликтам или провалам в области развития. Но, как показывает практика, к конфликтам ведет не многообразие, а подавление культурной самобытности, культурной идентичности обществ. Люди могут опасаться многообразия и его последствий, но именно противодействие этой тенденции приводит к поляризации общества и питает трения.

В этом месте правомерны с нашей стороны вопросы о российской идентичности в глобализме и когнитивном опыте культуры. Может ли способствовать субъект российской культуры восприятию и сотворению «всеобщих ценностей», дабы продолжить развитие равноправного культурного диалога? Какой потенциальной мерой может стать культура субъекта в информационном обществе?

А.С. Пушкин в обосновании «философии своего отечества»

Одним из создателей философии России мог быть Д.В. Веневитинов, приводивший своими речами в восторг И.В. Киреевского, А.И. Кошелева, В.Ф. Одоевского, собравший вокруг себя кружок не только студенческих дарований, но и той части российской молодежи, которая интересовалась философией.

В.В. Зеньковский пишет: «По общим отзывам Д.В. Веневитинов был человеком исключительно даровитым. Его личное обаяние, непосредственное ощущение его таланта так глубоко запали в душу его друзей, что после его смерти (он скончался 22 лет), в течение многих лет, они собирались ежегодно в день его смерти, чтобы почтить его память. В обществе Любомудров Д.В. Веневитинову принадлежало первое место; он, действительно, увлекался философией страстно и своим энтузиазмом заражал и других. По его собственному выражению, «философия есть истинная поэзия»¹, – в этих словах хорошо выражено и преклонение перед философией, и то общее настроение, которое тогда царило среди университетской молодежи. Это было почти религиозное отношение к философии, которая и в самом деле для многих уже вполне замещала религию» [Зеньковский, 1991, т. 1, ч. 1, 146].

Если бы жизнь Веневитинова не оборвалась очень рано, то он наверняка состоялся бы как заметный и яркий интеллектуал в истории философии, переводчик книг немецких мыслителей-романтиков. Так как для Веневитинова философия начиналась с поэзии, он считал, что

¹ Курсив наш. – Л.Т., О.Т., А.О.

“истинные поэты были всегда глубокими мыслителями, были философами”» [Там же, 147].

Веневитинов – трансцендентальный философ и задачу философии видел в «учении о познании». В его взглядах очень настойчиво выдвигалась мысль построения самостоятельной русской философии, в основе которой должно быть отрицательное отношение к любому виду слепого подражания Западу. Веневитинов готов был идти на временные разрывы с Западом, но только «опираясь на твердые начала философии», был погружен в поиск пути русского творчества. Он утверждал: «Россия найдет свое основание, свой залог самобытности и своей нравственной свободы в философии» [Там же].

Пушкин писал о нем: «Веневитинов создан был действовать сильно на просвещение своего отечества, быть украшением его поэзии и, может быть, создателем его философии» [Пушкин, 1949, т. 11, 106]. Однако судьбе было угодно избрать философом отечества поэта Пушкина, который был одарен исключительным чувствованием и размышлением, но не ставший при этом профессиональным философом сродни Канту или Гегелю. В истории философии мы находим скорее историю исследовательской мысли, которая решает проблемы самого мышления или лучшего использования нашей власти над силами природы. Сюда также можно отнести многие насущные вопросы философствования, но все они вместе – «любовь к мудрости» и желание избавить людей от катастрофизмов в бытии человеческом.

Философия Пушкина – особый род интеллектуального порыва, далекий от абстрактных рассуждений и разработки универсальных категорий. Его философия не создавала теоретических систем, методологических инструментариев, хотя все пушкинское мировоззрение и есть философская система его родного отечества. Философское мировоззрение Пушкина скорее вбирает в себя глубину чувств и разума относительно России. Философское слово Пушкина является чем-то сродни искусству, науке, политике, теологии, педагогике.

Отметим, что все указанные пять областей познания возникали у Пушкина из страстного стремления воплотить то, что представало вначале в виде неясных чувств и мыслей, а затем – как зеркальное отражение реального положения дел. Как и многих творцов, его влекла неуловимая красота бытия; он пылко устремлялся прочь от стабильности и рутинности, в своей мыслеформе он всегда находил «прекрасное мучение». Пушкин самозабвенно добивался свободы от утилитарной философии, от желания поисков выгоды. Ему приходилось выдвигать такие гипотезы о России, которые наука его времени не могла ни подтвердить, ни опровергнуть. Поэтому философию Пушкина можно относить к типу будущей научной философии, в частности к ее футуристическому почерку.

Также заметим, что философская мысль Пушкина поразительно дифференцирована. Речь идет об идеях относительно политики, культуры и воспитания; его мысль обладает еще и характером экспериментальной социологии. Здесь достаточно сослаться на его суждение о необходимости постепенных изменений в России. Эта научная гипотеза, произведенная из страшных уроков революционных потрясений и насильственных перемен, стала истиной лишь к началу XXI в.

Пушкин известен еще одной ссылкой в своем интеллектуальном арсенале – трактовкой научной проблемы народного воспитания. Вслед за ним русская мысль смело стала выдвигать гипотезы понимания России, которые признавались относительно ценными, полезными после сделанных поправок, даже если и были неправильными. Вспоминая Б. Рассела, отметим, что такая возможность приближена к истине больше, чем что-либо другое; она всегда составит источник триумфа науки.

С учетом всего людского опыта нашей страны за последние два века мы имеем возможность характеризовать Пушкина как создателя философии России. Ему можно отдать первенство в осмыслении российской философской целостности. В частности, когда он думал и осмыслял персональное значение княгини Ольги, в его описании личность и ее представления о будущем Руси выводятся как становление «целого».

Все пушкинское философствование исполнило главную функцию философии – понять весь мир и место отечества в нем. Кроме того, оно выполняло и другие функции философии – онтологические, гносеологические и аксиологические. Существенной особенностью его философии стало единство мыслей и чувств.

Пророк в отечестве своем

Имя Пушкина связано с особой спасительной русской традицией, с историей России, народной стихией и драмой власти. В Пушкине признавали пророка его современники Е.А. Баратынский и Н.В. Гоголь; Адам Мицкевич прямо называл стихотворение «Пророк» автобиографическим произведением.

Ф.М. Достоевский признается России и миру, что Пушкин – явление потрясающего религиозного смысла и национального предназначения. Пушкинский дух, тождественный духу российскому, представляет собой дух воскресающий. Сам поэт был уверен в этом: «Быть судиею, наблюдателем и пророком веков и народов казалось мне высшею степенью, доступной для писателя» [Пушкин, www]. К этой высшей ступени ведут его ум, сердце и вера. Ум, пишет Пушкин, «не пророк, а угадчик». Разум способен видеть общий ход вещей и делать из него глубокие предположения; пушкинская философия сердца заточена на живую веру.

Так что же такое пророки? Можно сказать, что это люди, предсказывающие будущее, а также лица, возвещающие людям свое назидание, увещания и утешения по особому внушению Святого Духа. В этом смысле Пушкин соответствует такому восприятию в своем мировоззрении: он имеет прямое отношение к той культуре призыва самоочевидного, которое в истории, теологии, религии персонифицировано. Неспроста в его «Пророке» исповедь ведется от первого лица: он пишет об опыте внезапного преображения, о его признаках. Несмотря на то, что пушкинское признание является личным, оно функционально вневременно и занимает универсальное место.

Читателям как живым конкретным людям особенно близко то, что Пушкин пережил это сам, что акты удивительного преображения – феномен, свершающийся многочисленно во все века. Эта пушкинская целостность и гармония являются воодушевлением и для новой эпохи, для нашей современной цивилизации. Человечество в XXI в. пытается выработать такую модель своего бытия, которая предполагала бы целостность и гармонизацию равноправных императивов мирового развития.

Пушкинская философия как противоядие страданиям и тревогам

В стихотворении «Анчар» есть глубокий философский смысл – поиск человеком утешения. Содержательно это антропологизм чувственно-рациональный, но здесь к месту можно употребить термин «социальное противоядие» (в духе Б. Рассела), когда философия, расширяя мышление, создает «противоядие тревогам и страданиям нашего времени и делает возможным то приближение к спокойствию, на которое способен чуткий разум в нашем измученном и неуверенном мире» [Рассел, 1996, www]. «Социальный яд» – это накопление недобрых склонностей, несправедливости, различного свойства лжи и разочарований людей. Сегодня эти черты рассматриваются как антицивилизационные, относятся к разряду причин нарастания жизненного трагизма людей XXI в.

Пушкин считал: «Одна любовь дает нам полное разумение». Ненависть, очевидно,

умножает несправедливости в людях и ведет к овеществлению желчной мизантропии. Понятно, что любовь нельзя осуществлять как обязанность, но можно для ее появления вызывать добрые чувства и дела. Пушкинская любовь в определенном смысле сродни христианскому пониманию милосердия, но на практике заменить любовь нравственными правилами не может никакое повиновение. Именно с появлением любви и с помощью разума возможно необходимое моральное поведение.

Еще одна мысль Пушкина может войти в состав противоядия от наших тревог и страданий. Речь идет о приветствии в адрес молодого поколения, приходящего на смену старшего: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» Этим обращением Пушкин-философ и Пушкин-поэт подает ощущение экзистенциальной тревоги России: проблему желания «человеческой реальности» направить к социальной активности, на вершину государственной пирамиды. Молодые и свежие, в то же время компетентные личности свой предмет желания сделают возможным. Весь пушкинский нарратив обращен не только к индивидуальной перспективе лучших, успешных и сильных; речь идет о самом существовании российской государственности, о социальной преемственности поколений, замыкающейся на приоритетах «молодого». Сам дух пушкинской философии ориентирован на «незнакомое и молодое».

Пушкинская философская метафора обращает внимание на социальные ориентации политики, на основное противоядие от старения российского общественно-политического «организма». Смысл метафоры заключается в том, что есть запас противоядия тревогам и страданиям; но тогда в культуре государственности могут отпадать оптимизм и пессимизм, которые равно несостоятельны в системе «общество – государство» с научно-философской точки зрения.

С надеждой, верю не унывай

В пушкинские раздумья постоянно подключался вопрос: что дает силы выдерживать безмерные испытания? Поиск поэта как историка и мыслителя возвращается к христианским и мусульманским традициям народов России. Вера, надежда, любовь есть триединая сила жизни. С нравственно-психологической стороны оказывается, что в них находится удивительно простое, доступное всем людям содержание.

Казенная идеология, воинствующий атеизм и классовая ненависть уродовали нравственность; но и насаждаемая сверху вера в светлое будущее была утрачена в реформаторские годы. На вопрос «Что делать?» потомки Пушкина могут найти ответы из мысли о трех законах Духа, Страдания и Радости, Возмездия и Покаяния; это самые начала бытия, которые он глубоко переживал.

Стезю правды следуй

Это известное изречение Пушкина – своего рода метафорическое угадывание истины российской идентичности, ее реальной устойчивости. Без решения вопроса «Что есть правда?», по признанию поэта-мыслителя, страна не может устроиваться. Если пропадет национальное сознание по этому поводу, то государственное дело запутывается; утрата самоидентификации народов приводит к возникновению источника зла; вот тут-то наступает Смутное время (трагедия «Борис Годунов» осветила конфликт между правдой и неправдой).

Быть человеком благоволения

Пушкин понимал, что не все измеряется в понятиях политики, права и закона. Существенный элемент жизни – нравственное сознание, улучшение нравов людей. Но «поэзия выше нравственности – или по крайней мере совсем иное дело». Для пробуждения в народе

«чувств добрых» Пушкин-поэт отстаивал триаду, которую можно называть истиной, добром и красотой. Пушкинские персонажи, которые и есть субъекты познания, ищут истину; им не нужно золота, нужна истина; они хотят говорить пред холодной толпой Языком Истины.

«Метафора ума» Пушкина и ее дидактический слой

Наследие Пушкина с точки зрения классической общей теории познания сформировалось в истории культуры как самостоятельный тип философского ума и языка в широком смысле слова. В текстовом полотне Пушкина есть некоторый абстрактно-понятийный (т. е. виртуальный) конструкт, который интерпретирует деятельность людей в субъектно-объектном ракурсе; его субъект познающий опирается на «метафоры ума» поэта, исходящие из идей отражения и репрезентации.

На современном этапе развития философии данный взгляд на рациональность изменился в силу оппозиции субъекта и объекта в разнообразных ипостасях. Рациональная философия рассматривает досубъектно-объектные различия, иррациональные, выпадающие из предметного поля познания, так как они заметно влияют на всю культуру толкований в познании. Метафора в этом отношении – важнейший фактор изменчивости рациональности, способствующий ее гибкости.

Заключение

В эпоху глобализма, в контексте усилий людей на поиски самоидентичности интенсивный рост разнообразных коммуникативных связей меняет современное «языковое мировидение». В связи с этим употребление метафоры и метафорических понятий может быть системно организовано. Понятийные системы на высших уровнях своей метафорической организации образуют множества новых элементов, связанных отношениями логического следования. В первую очередь это затрагивает теории, в которых суждения, образованные с помощью основных понятий определенной системы, логически выводятся из других суждений, производных понятий.

В нашем исследовании пушкинская метафора выражает универсальную наглядность в отвлеченной понятийной структуре. Путь пушкинской метафоры может показаться обходным, т. е. более длинным, чем путь понятийного осмысления. Однако его метафора бывает и более короткой, сокращающей усилия на логический дискурс. В обоих случаях это путь пушкинской мысли, ведущий нас к рациональным смыслам. На этом понимании пути пушкинской метафоры находится собственно педагогика, которая нацелена на субъекта образования, стремящегося к самопознанию, знанию вещей, а также отражению себя в другом объекте.

Библиография

1. Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 1. Ч. 1. 222 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.
3. Пушкин А.С. История села Горюхина. URL: <https://ilibrary.ru/text/477/p.1/index.html>
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.: АН СССР, 1949. Т. 11. 587 с.
5. Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. Киев, 1996. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/analiticheskaja_filosofija/rassel_b_filosofskij_slovar_razuma_materii_i_morali_1996/28-1-0-2645

Pushkin's metaphor as condensate in the codes of modernity**Lyudmila I. Toguzova**

PhD in Philosophy, Docent,
MIREA – Russian Technological University,
119454, 78 Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: toguzova@mirea.ru

Ol'ga V. Titkova

PhD in Philosophy,
MIREA – Russian Technological University,
119454, 78 Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: titkova_o@mirea.ru

Al'bina M. Osipova

PhD in Philosophy,
MIREA – Russian Technological University,
119454, 78 Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: osipova_a@mirea.ru

Abstract

The article deals with philosophical questions about the cognitive value of Pushkin's philosophy of his fatherland in the context of modern globalization, the interpretation of the metaphors of his "poetic mind" in the optics of globalization, and the role of metaphorical thinking in modern cultural communication. Pushkin's metaphors and their philosophical meanings serve the cognitive purposes of the subject and perform the function of the mirror-like overlapping of significant elements (condensation). They act as a means of representing symbolism in cultural consciousness. The poetic form of Pushkin's words clearly expresses the basic values and orientations of society for all bearers of Russian culture. It also means that "understanding" (rationality) creates a more understandable world for modern people with the help of metaphors. The article points out that Pushkin's metaphor expresses universal visibility in an abstract conceptual structure. The path of Pushkin's metaphor may seem to be a detour, i. e. longer than the path of conceptual understanding. However, his metaphor can also be shorter, reducing the effort of logical discourse. In both cases, this is the path of Pushkin's thought, leading people to some rational meaning. Pedagogy, which is aimed at the subject of education, striving for self-knowledge, knowledge of things, as well as reflection of oneself in another object, is on its way to understanding Pushkin's metaphor.

For citation

Toguzova L.I., Titkova O.V., Osipova A.M. (2022) Pushkinskaya metafora kak kondensat v kodakh sovremennosti [Pushkin's metaphor as condensate in the codes of modernity]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (5A), pp. 67-75. DOI: 10.34670/AR.2022.66.40.009

Keywords

Global culture, global values, identity, unity between thoughts and feelings, "metaphor of the mind".

References

1. Castells M. (2000) The rise of the network society. Blackwell. (Russ. ed.: Castells M. (2000) Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. Moscow.)
2. Pushkin A.S. Istoriya sela Goryukhina [The story of the village of Goryukhino]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/477/p.1/index.html> [Accessed 07/10/22].
3. Pushkin A.S. (1949) Polnoe sobranie sochinenii [Complete works], Vol. 11. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
4. Russell B. (1952) Dictionary of mind, matter and morals. New York. (Russ. ed.: Russell B. (1996) Filosofskii slovar' razuma, materii i morali. Kyiv. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/analiticheskaja_filosofija/rassel_b_filosofskij_slovar_razuma_materii_i_morali_1996/28-1-0-2645 [Accessed 07/10/22].)
5. Zen'kovskii V.V. (1991) Istoriya russkoi filosofii [A history of Russian philosophy], Vol. 1-1. Leningrad: Ego Publ.